

Перечитывая Соссюра *

О. Г. Ревзина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. В «Курсе общей лингвистики» Соссюр выдвинул представление о семиологии, выделил свойства языкового знака, дал определение языку как «мысли, организованной в звучащей материи», разделил лингвистику языка и лингвистику речи, рассмотрел связь языка и времени. Соссюр выдвинул представление о семиологии как «науке, изучающей жизнь знаков в рамках жизни общества». Его научное провидчество было подтверждено в семиологических проектах Л. Ельмслева и У. Эко, в блестящих исследованиях отдельных семиотических систем во французской и московско-тартуской семиотической школе. Соссюр допускал возможность использования жестов и «зрительных образов» в качестве означающего языкового знака, но полагал, что выбор органов речи «навязан нам природой». В статье прослеживается преломление идей Соссюра в науке XX–XXI вв.: расцвет семиотики, утверждение звуковой природы языкового знака в теориях происхождения языка (М. Томаселло) постулат о неотторжимости разума от физической организации человека в когнитивной парадигме (Дж. Лакофф), реализованный проект лингвистики речи

---

* В основу статьи положен доклад «Перечитывая Соссюра», прочитанный О. Г. Ревзиной на конференции «Столетие “Курса общей лингвистики” Ф. де Соссюра» в Институте языкознания РАН 1 декабря 2016 г.

(Б. М. Гаспаров), трактовка синхронной гетерогенности языка в аспекте существования языка во времени (Э. Косериу, В. М. Живов) и понятия о Времени в философии М. Хайдеггера. На основе исследования коммуникации у приматов М. Томаселло выявил уникальные свойства человеческих голосовых навыков, содействующих развитию конвенциональной коммуникации. Соссюр видел в языке «мысль, организованную в звучащей материи». Связь языка и мышления стало ведущей проблемой когнитивистики (Н. Хомский, Дж. Лакофф). Лингвистика речи, противопоставленная Соссюром лингвистике языка, нашла современное воплощение в лингвистике языкового существования Б. М. Гаспарова. Проблема «Язык и время», о которой так много думал Соссюр, может быть по-новому раскрыта при обращении к философскому понятию Времени у М. Хайдеггера.

Ключевые слова: язык, семиология, семиотика, языковой знак, означающее, означаемое, мышление, речь, языковые изменения, гетерогенность языка, время.

УДК 16.01.07

Контактная информация: Ревзина Ольга Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, Москва, ГСП-1, 119991, Россия, dekan@philol.msu.ru)

А. А. Холодович убедительно показал, что появление «Курса общей лингвистики» (1916) «явилось делом случая» [Холодович, 1977, с. 10]. Это «дело случая» имело следствием то, что в начале XX в. в языкознание пришла научная парадигма, сопоставимая с основополагающими научными парадигмами в естественных науках. Соссюр стал властителем дум в европейской лингвистике. В «Курсе общей лингвистики» торжество первооткрывателя преобразуется в мощное энергетическое воздействие – интеллектуальное, эмоциональное, эстетическое. Это воздействие сохраняется по сей день, оно проходит сквозь время и движется поверх сменяющих друг друга на протяжении столетия научных направлений. Новые теоретические концепции способствуют удержанию и продвижению во времени учения Соссюра, заново осмысляя и переосмысляя его. Семиология, языковой знак, язык и мышление, язык и речь, язык и время – не вызывает сомнения актуальность этих проблем в языкознании и в смежных гуманитарных науках XX–XXI вв.

Семиология и семиотики

Соссюр исходил из того, что человеку присуща «способность создавать язык, т. е. систему дифференцированных знаков, соответствующих диф-

ференцированным понятиям» [Соссюр, 1977, с. 49]¹. Утверждение Соссюра открыло шлюзы для изучения и сопоставления знаковых систем. Соссюр провозгласил необходимость новой науки – семиологии. Соссюр определяет семиологию как «науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества» (с. 54). В рамках семиологии язык «можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т. п.» (с. 54). Следуя Соссюру, Л. Ельмслев писал о возможности «создать общую энциклопедию знаковых структур» [Ельмслев, 1999, с. 230]. В 1968 г., на гребне «семиологического бума», Умберто Эко издает «Отсутствующую структуру». У. Эко разделяет семиологию и семиотику: «...мы будем именовать “семиологией” общую теорию исследования феноменов коммуникации, рассматриваемых как построение сообщений на основе конвенциональных кодов, или знаковых систем, и мы будем именовать “семиотиками” отдельные системы знаков в той мере, в какой они отдельны и, стало быть, формализованы (выделены в качестве таковых или поддаются формализации, внезапно проявляясь там, где о кодах и не помышляли» [2006, с. 492–493]. У. Эко приводит впечатляющий перечень кодов, попадающих в ведение семиотики: а) «коды, считающиеся естественными» (зоосемиотика, сигналы обоняния, тактильная коммуникация, вкусовые коды); б) паралингвистика (собственно паралингвистика, кинезика и проксемика, медицинская семиотика, языки свиста и барабана); в) музыкальные коды во всем их многообразии; г) формализованные языки (языки искусственные, азбуки типа Морзе и под.); д) письменные языки, неизвестные азбуки, секретные коды; е) естественные языки (лингвистика и этнолингвистика); ж) визуальные коммуникации («сигналистика», «хроматические системы», одежда, мода, «семиотика военной формы и облачений церковнослужителей», визуально-вербальные системы: кино и телевидение, комиксы, реклама, бумажные деньги, ребусы, семиотика игральные и гадальных карт и «вообще всех игр», географические и топографические карты, «исследования диаграмм и архитектурных проектов, хореографических нотаций и астрологической символики») [Эко, 2006, с. 513]. Число кодов поистине безгранично: иконические, иконологические, стилистические, коды дизайна и архитектуры; культурные коды (этикет, системы моделирования мира – мифы и легенды, теологические системы, которые создают единую картину мира, отражающую глобальное видение мира с позиций какого-либо сообщества, типология культур, модели социальной организации); эстетические коды и сообщения, массовые коммуникации, риторические и идеологические коды [Там же, с. 499–522]. В XXI в. количество семиотик еще увеличится, станет предметом деталь-

---

¹ Далее «Курс общей лингвистики» цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

ной классификации и войдет в учебные пособия [Мечковская, 2017]. Такому «поступательному движению семиозиса» подивился бы, наверное, сам Соссюр, а блестящие исследования отдельных семиотических систем во французской и московско-тартуской семиотической школе подтвердили его научное провидчество.

Означающее языкового знака

По мысли Соссюра, «сущность языка <...> не связана со звуковым характером языкового знака» (с. 45). Соссюр приводит мнение американского лингвиста Уильяма Уитни, полагавшего, что «мы используем органы речи в качестве орудия речи чисто случайно», и люди «могли бы с тем же успехом пользоваться жестами, употребляя зрительные образы вместо слуховых» (с. 48). Соссюр, однако, гораздо более осторожен: выбор органов речи «до некоторой степени был навязан нам природой» (с. 48). Второе соображение: историческая преемственность языка. «Фактически всякое сообщество, – пишет Соссюр, – знает и всегда знало язык только как продукт, который унаследован от предшествующих поколений и который должен быть принят таким, как он есть» (с. 100).

Широко известна последняя фраза «Курса общей лингвистики»: «...единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассмотренный в себе и для себя» (с. 208). Отсюда жесткая позиция Соссюра в отношении лингвистики и смежных дисциплин: «...если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем не связанных между собой явлений. Поступая так, мы распахиваем дверь перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой и т. д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как на один из своих объектов» (с. 47). К «смежным» областям можно отнести и вопрос о происхождении языка, который, по мнению Соссюра, «не к чему даже ставить» (с. 106). Позиция Соссюра была абсолютно оправданной в историческом контексте и в контексте будущего – научной парадигмы структурализма, сложившейся на основе учения Соссюра. С середины XX в. ситуация существенно изменяется, дальнейшему осмыслению подвергается материальная природа языкового знака. В рамках созданной Соссюром семиологии подвергаются тщательному изучению «зрительные образы». Возможности зрительного канала, семантические универсалии и идиотнические значения «языка тела» в его соотнесенности с естественным языком обобщены в монографии Г. Е. Крейдлина «Невербальная семиотика» [2002]. Интеграция гуманитарных наук – психологии, антропологии, лингвистики, формирование когнитивной научной парадигмы определило резкий рывок в исследова-

нии происхождения языка и, соответственно, его «звукового образа». В XVIII в. М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» дал интересное, но, возможно, слишком прагматическое объяснение преимуществ звуковых образов над зрительными: «Правда, что кроме слова нашего можно бы мысли изображать было чрезь разные движения очей, лица, рукъ и прочих частей тела, какъ то Пантомимы в театрахъ представляют; однако безъ света было бы говорить невозможно, и другия упражнения человеческия, особливо дела рукъ нашихъ, великим были бы помешательством такому разговору; не упоминаю другихъ непристойностей» [1755, с. 21]. В XXI в. известный американский психолог Майкл Томаселло на основе исследования коммуникации у приматов и у человека (в онтогенезе и филогенезе) приходит к следующим выводам относительно материального воплощения означающего: а) «человеческая кооперативная коммуникация изначально развивалась в жестовом поле (указательный жест и пантомима)» [Томаселло, 2011, с. 267]; б) между указательными и изобразительными жестами есть различие: указательные жесты, управляющие «зрительным вниманием собеседника», сохраняются при появлении языка, изобразительные жесты, управляющие воображением, являют собой «символический способ указания на объект внимания», по этой характеристике они оказываются близки словесному знаку и вытесняются ими; в) «человеческие голосовые навыки, хотя они и восходят к человекообразным обезьянам, приобретают “свои уникальные свойства” сравнительно недавно, предположительно – для содействия развитию конвенциональной коммуникации» [Там же, с. 277]. В целом же, заключает Томаселло, «человеческая коммуникация возникла как часть более масштабного процесса, а именно адаптации человека к совместной деятельности и социально-культурной жизни в целом» [Там же]. Первенствующее значение коммуникации в формировании человеческого языка отстаивает также Г. Гивон: «Движущая сила адаптации, приведшая к тому, что *Homo sapiens* поднялся над исходной стартовой площадкой и создал новую коммуникативную грамматику – включающую фонологию и грамматику, – была заложена в адаптационных способностях не репрезентации, но коммуникации, т. е. в передаче неочевидной, неразделяемой адаптационно важной информации от одного человека к другому» [Гивон, 2015, с. 114].

Язык и мышление

Представление о том, что происхождение языка вызвано потребностями коммуникации (по Томаселло, это «способность к разделению намерений», «желание помогать и желание делиться»), разделяется далеко не всеми исследователями. Этот подход категорически отвергает Н. Хомский: «Собственно, языком можно пользоваться, даже если вы единственный человек во Вселенной и на самом деле при этом даже будет адаптивное

преимущество. Если бы у одного человека вдруг появилась языковая способность, то этот человек получил бы немалые преимущества: этот человек смог бы четко выражать свои мысли, смог бы планировать, смог бы заострять и развивать мышление, как мы это делаем во внутренней речи, что оказывает большое влияние на жизнь каждого из нас» [Хомский, 2005, с. 215]. Язык, таким образом, связан в первую очередь не с коммуникативной деятельностью человека, но с его умственной деятельностью.

Кажется, нет выдающегося лингвиста, кто не писал бы о языке и мысли (ср. «Мысль и язык» А. А. Потебни, «Мышление и речь» Л. Выготского, «Язык и мышление» Н. Хомского, ср. также изданный в 2015 г. сборник с названием-перевертышем по отношению к А. А. Потебне «Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика»). Нерасторжимая связь языка и мышления была для Соссюра истиной, не требующей специального обоснования. В «Курсе общей лингвистики» первый параграф главы «Языковая значимость» называется «Язык как мысль, организованная в звучащей материи». В этом параграфе Соссюр следующим образом разъясняет характер связи языка и мышления: «Язык можно сравнить с листом бумаги. Мысль – его лицевая сторона, а звук – оборотная. Так и в языке нельзя разделить ни мысль от звука, ни звук от мысли» (с. 145). Выделяя синтагматические и ассоциативные отношения в языке, Соссюр подчеркивает, что «они соответствуют двум формам нашей умственной деятельности, равно необходимым для жизни языка» (с. 155). Ассоциативные отношения «локализируются в мозгу» и принадлежат языку, который хранится в памяти (т. е. важнейшей когнитивной способности человека) у каждого индивида. Впоследствии Н. Хомский направил усилия на то, чтобы связать умственную деятельность с универсальной грамматикой, воплощение которой он представил в виде глубинной структуры языка и правил ее трансформации в поверхностные языковые структуры [Хомский, 1972]. Неотторжимость разума от человеческой телесности – таков поворот, который получил вопрос о мышлении и о знаковой системе языка в когнитивной лингвистике.

Обсуждая «картезианское наследие», Дж. Лакофф и М. Джонсон включили в него следующие пункты: а) «Thought is essentially disembodied, and all thought is conscious» («Мысль не материальна, мышление относится к сознанию»); б) «Thought consists of formal operations on ideas without regard to the relation between those ideas and external reality» («Мышление состоит из формальных операций с понятиями вне отношения между этими понятиями и внешней реальностью»); в) «Nothing about the body, neither imagination, nor emotion, nor perception, nor any detail of the biological nature of the body, need be known in order to understand the nature of the mind» («Чтобы понять природу человеческого ума, не требуется знание о теле человека – идет ли речь о воображении, эмоциях, восприятии, равно как о любой другой биологической характеристике человека») [Lakoff, John-

son, 1999, p. 408]. Когнитивный подход зиждется на противоположных позициях: а) «Reason is embodied in that our fundamental forms of inference arise from sensorimotor and other body-based forms of inference» («Разум материален в том, что фундаментальные формы рациональности рождаются из чувственно-двигательных и других укорененных в теле форм»); б) «Reason is imaginative in that bodily inference forms are mapped onto abstract modes of inference by metaphor» («Разум имагинативен в том, что телесные формы рациональности проецируются в абстрактные через метафору») [Lakoff, Johnson, 1999, p. 77]. Конкретная демонстрация этих положений содержится в монографии Дж. Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи» [Лакофф, 2004]. Дж. Лакофф выделяет четыре типа когнитивных моделей: пропозициональные, образно-схематические, метафорические и метонимические. В плане зависимости разума «от природы и физической организации мыслящих существ» показательны образно-схематические модели: часть – целое, связь, центр – периферия, источник – путь – цель. Для каждой из этих схем определяются телесный опыт, структурные элементы, базовая логика и образцы метафор. Дж. Лакофф настаивает на том, что когнитивные модели мышления находят воплощение в структуре языка. Так, если обратиться к синтаксису, иерархическая синтаксическая структура строится на основе схемы «часть – целое» (вершина – целое, узлы – части), в группе «главный член – его модификатор» воплощается схема «центр – периферия», а «грамматические отношения и отношения кореферентности представляются структурно схемой СВЯЗЬ, синтаксическое расстояние характеризуется схемой ЛИНЕЙНАЯ шкала» [Там же, с. 377]. Сверх того, «синтаксические категории характеризуются схемой ВМЕСТИЛИЩЕ» [Там же, с. 378]. Свою концепцию Дж. Лакофф называет экспериенциальным реализмом. В соответствии с этой концепцией «нет непроходимой пропасти между языком и мышлением, с одной стороны, и миром, с другой. Язык и мысль значимы потому, что они мотивированы нашим функционированием как части реальности» [Там же, с. 379].

Когнитивистика – междисциплинарная дисциплина, включающая в себя искусственный интеллект, лингвистику, нейронауку, философию и психологию [Федорова, 2014, с. 21–44]. Можно ожидать, что в когнитивистике будет сделан решительный прорыв в создании верифицируемой теории, уясняющей соотношение языка и мышления. Параллельно высказываются мнения о неэффективности междисциплинарного подхода. А. Д. Кошелев, раскрывая сущность кризиса современного теоретического языкознания, пишет о проблематичности диалога лингвистики с когнитивными дисциплинами, поскольку они сами «находятся в аналогичном концептуальном тупике» [Кошелев, 2015, с. 132]. Обращаясь к вопросу о роли языка в мышлении, А. Д. Кошелев показывает, что «концепции Ф. де Соссюра, Н. Хомского, Р. Джекендорфа и И. А. Мельчука отвечают на него по-раз-

ному» [Там же, с. 126], при этом все концепции имеют статус полагания, или возможности, но отнюдь не доказанности. В этом свете положение Соссюра о том, что язык – это «область членораздельности» и языковой элемент – это «вычлененный сегмент, в котором понятие закрепляется определенными звуками, а звуки становятся знаками понятий» (с. 145), согласуется, во всяком случае, с представлением о языковой (но не мыслительной) картине мира и о разных картинах мира в разных языках. Что первично, или что важнее – язык как инструмент мышления или язык как средство коммуникации? А. Д. Кошелев предлагает очень конкретную эволюционно-синтетическую теорию языка, в которой эта альтернатива как будто бы снимается. «Первоосновой человеческого языка» является, по А. Д. Кошелеву, «сенсорный ядерный язык, обладающий важнейшим свойством»: «его фразы передают слушающему свои референтные ситуации» [Кошелев, 2015, с. 138], т. е. сенсорный язык описывает «видимый мир», доступный непосредственному наблюдению. Такой язык «является одновременно инструментом мышления человека об этом его мире и средством коммуникации – передачи живых картинок вместе с мыслями о них» [Там же, с. 144].

Речевая деятельность: язык и речь

Соссюр выдвинул следующие положения: 1) «материалом лингвистики являются прежде всего факты речевой деятельности человека» (с. 44); 2) «...единство в речевую деятельность вносит язык» (с. 49); 3) следует различать лингвистику языка и лингвистику речи. Речь – это «сумма всего того, что говорят люди; она включает: а) индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих; б) акты фонации, равным образом зависящие от воли говорящих и необходимые для реализации этих комбинаций» (с. 57). Речь, утверждает Соссюр, – «манифестация языка» (с. 17). «Лингвистика речи» осталась ненаписанной.

На наш взгляд, наиболее интересный и притом позитивный ответ на то, что есть лингвистика речи, дал Б. М. Гаспаров, предложив описание лингвистики повседневного существования [Гаспаров, 1995; Gasparov, 2010]. «Мы будем рассматривать, – пишет Гаспаров, – те явления, которые возникают на поверхности повседневного употребления языка, не в качестве “внешней” синкретизации и контаминации глубинных структурных закономерностей, но в качестве первичного феномена, в котором непосредственно отражена самая суть нашего обращения с языком – так сказать, “естественное состояние языка в условиях языкового существования говорящих”» [Гаспаров, 1995, с. 68]. «Естественное состояние языка», по Гаспарову, разительно отличается не только от того, что провозглашает Соссюр, но и от генеративной грамматики Н. Хомского.

В концепции Соссюра Б. М. Гаспаров видит мощное проявление «духа века», отказавшегося от «одномерной эмпирической реальности позитивизма» в пользу «идеальных сущностей», так что «на смену непреложности эмпирических фактов пришла непреложность идеальных концептов» [Гаспаров, 1995, с. 24]. Не отрицая огромных достижений структурной лингвистики, Б. М. Гаспаров ставит под сомнение следующие положения соссюровой научной парадигмы: а) представление о языке как о «заданном объекте, построенном закономерным образом из заданных единиц» [Там же, с. 22] – ср. определение Соссюром языка как «готового продукта, пассивно регистрируемого говорящим» (с. 52); б) представление о языке как о «чрезвычайно сложном и эффективном устройстве, каким-то неизвестным, но вполне единообразным способом помещающемся в сознании каждого “носителя” данного языка» [Гаспаров, 1995, с. 7] – ср. у Соссюра: «Язык существует в коллективе как совокупность впечатков, имеющихся у каждого в голове, наподобие словаря, экземпляры которого, вполне тождественные, находились бы в пользовании многих лиц» (с. 57); в) представление о языке как о рационально организованном объекте, при этом, как отмечает Б. М. Гаспаров, «вопрос, почему мир языковой мыслительной деятельности должен описываться на основаниях, действительных для предметов, на которые этот мир заведомо не похож <...> даже не возникал» [Гаспаров, 1995, с. 26]. Пожалуй, такое представление еще в большей степени относится к концепции Н. Хомского² – представление о языке как об «имманентной сущности, заключенной в себе и для себя» (здесь Б. М. Гаспаров цитирует знаменитую формулу Соссюра), «не зависящей ни от личности познающего субъекта, ни от личности того, чье «употребление» предмета для нужд и в условиях его жизни поставляет сырой материал для концептуальной модели» [Там же, с. 28]. Отсюда «безличная объективность» как идеал научного описания, противопоставленная субъективности – «пороку, обесценивающему описание» [Там же], ср. лакофские мифы объективизма и субъективизма [Лакофф, Джонсон, 2004]. Все названные представления Б. М. Гаспаров считает неадекватными и неспособными объяснить и описать существование человека в языке и с языком: «Я полагаю, что отображение языка в качестве стабильной структуры, или хотя бы в качестве феномена, в основе которого лежит стабильный структурный каркас, неадекватно **в принципе** в качестве стратегии языкового поведения...» [Гаспаров, 1995, с. 56]. Отвечающая рационализму операционная стратегия пригодна для обучения языкам, но не для пользования

² Не случайно в одном из интервью Б. М. Гаспаров на вопрос корреспондента: «Не подкладывает ли ваша гипотеза мину под доминирующую парадигму – генеративную лингвистику Ноама Хомского?» – ответил моментально и категорично: «Она ей прямо противоречит». URL: <http://rus.postimees.ee/4129451/lingvist-boris-gasparov-uvy-nastali-vremena-vozvedeniya-sten> (дата обращения 11.06.2017).

им, предполагающего многократное употребление. Модус долговременной длительности делает продуктивным совершенно иную мнемоническую стратегию, основанную на запоминании. Фонемы, словоформы и другие единицы языка, унаследованные от грамматической традиции и лишь переименованные в структурной парадигме, являются совершенно периферийными в опыте говорящего, равно как и пишущего субъекта. Интертекстуальность языкового опыта поставляет говорящему иные первичные единицы владения языком. В качестве таковых Б. М. Гаспаров выделяет коммуникативные фрагменты («отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний» [Гаспаров, 1995, с. 118]), обеспечивающие языковые ткани, и коммуникативный контур высказывания – «целостный прототипический образ, непосредственно узнаваемый говорящими в качестве эскиза конкретных высказываний...» [Там же, с. 192]. В языковой памяти говорящего хранится, таким образом, не языковая система как готовый продукт, а «грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни» [Там же, с. 104]. Во введении к монографии 2004 года Б. М. Гаспаров детально останавливается на значении памяти, интертекстуальности и диалогичности («The speaking subject of cognitive linguistics remains *lonely* <...> as *lonely* as the speaking subject of structural linguistics and generative grammar were in their preprogrammed rules» – «Говорящий субъект в когнитивной лингвистике *одинок* – столь же *одинок*, как прежде в структурной и в генеративной лингвистике, с их запрограммированными системами правил» [Gasparov, 2010, p. 10]). По ходу дела Б. М. Гаспаров обращает внимание на то, что в теоретической лингвистике принято обращаться «к особенно замечательным примерам» в виде единичного высказывания. Между тем языковое существование развернуто во времени, как и мышление, для которого модель порождения одного высказывания мало что дает. По Гаспарову, языковое существование – это подвижный, текучий, открытый процесс, это «языковая плазма», и если с чем-то и сравнивать язык, то лучше всего его уподобить природному ландшафту. Использование метафоры является абсолютно законным инструментом человеческого познания («Смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой метафоры...» [Арутюнова, 1998, с. 379]), и в целом можно сказать, что Б. М. Гаспаров предложил современное и перспективное видение лингвистики речи, выразив его афоризмом «speech is the product of speech» [Gasparov, 2010, с. 16].

Язык и время

Языковому знаку Соссюр приписывал два противоположных свойства: неизменчивость и изменчивость. Неизменчивость знака проистекает из его

навязанности языковому коллективу. «Не только отдельный человек не мог бы, если бы захотел, ни в чем изменить сделанный уже языком выбор, но и сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом: общество принимает язык таким, какой он есть» (с. 104). Явно нарушая методологический принцип, известный как бритва Оккама («Не умножай сущее без необходимости»), Соссюр приводит разные доводы в пользу неизменчивости (произвольность знака, множественность знаков, слишком сложный характер системы, сопротивление коллективной косности любым языковым инновациям). Словно сомневаясь в достаточности выдвигаемой им аргументации, Соссюр прибавляет: «Язык устойчив не только потому, что он привязан к косной массе коллектива, но и вследствие того, что он существует во времени» (с. 107). Параграф, посвященный изменчивости знака, Соссюр вновь начинает с обращения ко времени: «Время, обеспечивающее непрерывность языка, оказывает и другое действие, которое, на первый взгляд, противоположно первому, а именно оно с большей или меньшей быстротой изменяет языковые знаки, так что в известном смысле можно говорить одновременно как об изменчивости языкового знака, так и о неизменчивости его» (с. 107). Смысл изменения Соссюр видит в «*сдвиге отношения между означающим и означаемым*» (с. 108). Соссюр упоминает о факторах, постоянно меняющих эти отношения («язык изменяется или, вернее, эволюционирует под воздействием всех сил, которые могут повлиять либо на звуки, либо на смысл», но не раскрывает их (с. 109). Это не свойственно его манере, разъясняющей все до конца. Такое впечатление, что вопрос о языке и времени беспокоил Соссюра каким-то особенным образом, и эта эмоция прорвалась сквозь обычно логически выверенное и отточенное выражение его мысли. Переходя к причинам изменения во времени, Соссюр успевает сказать очень важную вещь (эти изменения недоступны прямому наблюдению), а затем буквально обрывает себя: «Лучше пока отказаться от их выяснения и ограничиться общими рассуждениями о сдвиге отношений. Время изменяет все, и нет оснований считать, что язык представляет исключение из этого общего основания» (с. 109). В конечном счете Соссюр сплетает язык, говорящий коллектив и время в одно неразрывное целое и подчеркивает: «...вне категории времени языковая реальность неполна, и никакие заключения относительно нее невозможны» (с. 110).

Вместе с Соссюром в языкознание пришел теоретический вопрос: может ли в принципе изменяться во времени то, что называется системой языка? Противоположные ответы на этот вопрос давали такие исследователи, как Л. Ельмслев и Э. Косериу. В глоссематике система – это «то постоянное, что делает язык языком» [Ельмслев, 1999, с. 136] и исключает возможность изменений. Э. Косериу пришлось произвести разделение между неизменяющимся *абстрактным* языком и «*реальным языком в своем конкретном существовании*» [Косериу, 1963, с. 147], чтобы сформулиро-

вать главную причину изменений: язык «изменяется, чтобы продолжать функционировать как таковой» [Косериу, 1963, с. 156]. В коллективной монографии «Общее языкознание» [1970] глава III «Язык как исторически развивающееся явление» содержит описание языковых изменений с позиций структурной лингвистики. Предлагаемый в монографии выход из несовместимости (по Ельмслеву) развития и системы языка был найден в отнесении языка к сложнодинамическим системам, главной чертой которых является «нетождественность во времени» [Там же, с. 211]. Языку приписывается целенаправленность (телеологичность). Фактической базой для исследования исторического существования языка явились следующие положения.

1. Язык характеризуется «динамической устойчивостью» и состоянием «относительного равновесия». Изменения в языке удерживаются в пределах, не допускающих разрушения системы. «Отсюда известное саморегулирование системы» [Там же, с. 213].

2. Следует различать «формы движения, характерные для синхронного функционирования языка и для его диахронической эволюции» [Там же, с. 208]. В синхронном функционировании имеет место варьирование, к диахронии относится языковое изменение. Если варьирование предполагает одновременное существование единиц *A* и *B*, то изменение означает замещение единицы *A* единицей *B* («наличие одной единицы исключает одновременное существование единиц *A* и *B*») [Там же, с. 209].

3. «Язык изменяется неравномерно. Одни его элементы могут изменяться, тогда как другие его элементы могут сохраняться на протяжении целых столетий» [Там же, с. 299]. Такая неравномерность относится к разным языковым уровням, но она наблюдается и в пределах одного языкового уровня. Основной темп языковых изменений – это эволюция («долгая длительность»), однако возможны и интенсивные перемены в пределах «короткой длительности». «В системе каждого языка, очевидно, имеются какие-то звенья, на которых держатся все остальные элементы языковой структуры. Если опорное звено подвергается разрушению, то можно предположить, что это событие влечет за собой целую серию относительно быстро следующих друг за другом языковых изменений» [Там же, с. 301]. Возможны также случайные изменения, обратимые и циклические процессы.

В самостоятельную тему исторического языкознания выделяется вопрос о причинах языковых изменений. Их принято делить на внутренние и внешние. К внутренним причинам относят «приспособление языкового механизма к физиологическим особенностям человеческого организма», «необходимость улучшения языкового механизма», «необходимость сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности». Внутренние причины не имеют никаких временных ограничений, т. е. панхроничны. Утверждается системный характер диахронических изменений, по-разно-

му проявляющий себя в фонологии, морфологии и лексике, «внутренние законы языковых изменений, несомненно, существуют» [Общее языкознание, 1970, с. 269].

Внешние факторы языковых изменений в самом общем виде описываются как влияние окружающей среды, в которую включается и взаимодействие с другими языками. На единственности внешних факторов настаивает В. М. Живов: «...язык меняется не в силу системных внутрилингвистических факторов абстрактных и имманентных для каждого языка “законов изменения”, существование которых проблематично, а механизм реализации остается неverified конструктом, а в результате взаимодействия различных социокультурных параметров его употребления» [2017, с. 40]. По мысли В. М. Живова, «изменения в языке происходят именно от того, что коды участников коммуникации полностью не совпадают... и если речь идет о поколениях, то именно таким образом поколение Б создает грамматику, отличную от грамматики поколения А» [Там же, с. 27]. В. М. Живов полностью отвергает представление о языке как абстрактной единой системе, которое он приписывает Соссюру, и, напротив, утверждает гетерогенность языка. С синхронной точки зрения гетерогенность языка представляет собой варьирование. Гетерогенность (неоднородность) языка порождается разными факторами развития (географическими, функциональными, социокультурными) и может служить «исходным импульсом языкового развития» [Общее языкознание, 1970]. Гетерогенность языка проявляется и в несовпадении языковых элементов по временной характеристике. В. М. Живов следующим образом объясняет парадокс временной гетерогенности, т. е. одновременного существования в языке единиц, относящихся к разным временным срезам: «Диапазон разнородных возможностей выражения задан говорящему синхронно, однако все эти возможности “нагружены” их предысторией, и диахроническая ось присутствует в языковом сознании говорящих... *Отче* в сравнении с *отец* воспринимается не только как более книжная или как более приличная “духовному” языку форма, но и как более архаическая и именно в силу этого обладающая стилистическими качествами» [2017, с. 15]. Иной точки зрения придерживался Э. Косериу, не подвергавший сомнению системность языка и относивший различие синхронии «не к плоскости объекта», а к позиции исследователя [1965, с. 149]. Вот что пишет Э. Косериу об архаизмах: «...архаизмы, поскольку они существуют и функционируют, представляют собой элементы современного языка. Более того, с функциональной точки зрения, архаизм (элемент, способный придавать речи архаическую окраску) является таковым только с точки зрения современного языка, в другие эпохи он не мог выполнять эту функцию» [Там же, с. 148]. Различие между «старым» и «новым», на которое указывает Живов, «проявляется не тогда, когда говорящие говорят с помощью этих элементов, то есть в первичном языке, а тогда, когда они говорят

об этих элементах, то есть в метаязыке, другими словами, когда они, перестав быть просто “говорящими”, становятся своего рода “лингвистами” и принимают историческую точку зрения» [Косериу, 1965, с. 149]. Позиция Э. Косериу представляется более убедительной, но речь сейчас идет не о приятии или неприятии концепции Соссюра, а о том, что, собственно, означает применительно к языку одновременность разновременного. Так мы вновь приходим к проблеме языка и времени, о чем Соссюр писал эмоционально и осторожно. Как соотносятся эти две сущности? Мы понимаем время либо как вместилище по отношению к языку (*язык существует во времени, в XX веке литературный язык развивался неравномерно*), либо как его партнера (*со временем многие обветшалые, как их называл Ломоносов, слова ушли из языка*). При этом имеется в виду – равно как и в теориях исторического существования языка – время необратимое, исчисляемое, хронологическое. Вопрос о том, что такое время, в лингвистике не ставится, этот концепт предполагается понятным по умолчанию. Однако это один из важнейших философских вопросов. Мартин Хайдеггер посвятил ему такие важнейшие работы, как «Время и бытие» и «Бытие и время». М. Хайдеггер обращается к «расхожему», как он это называет, представлению о необратимом и исчисляемом времени: «Время, известное как рядоположенность последовательных Теперь, имеется в виду, когда время измеряют и рассчитывают. Рассчитанное время – так кажется – мы с непосредственной осязаемостью имеем перед собой, когда берем в руки часы, измеритель времени <...> Мы говорим “сейчас” и подразумеваем время. Но нигде на часах, показывающих нам время, мы не найдем времени, ни на циферблате, ни в часовом механизме <...> Где же время? [Хайдеггер, 1993, с. 397]. Главным свойством времени является то, что, хотя время проходит, «оно остается в качестве времени», т. е. присутствует. И Хайдеггер переосмысляет настоящее, прошедшее и будущее исходя из присутствия. Настоящее в смысле присутствия – это «открытие потаенности». «Присутствие задевает нас, настоящее значит: протянувшееся навстречу нам, человеку в нас» [Там же, с. 398]. «Уже не-настоящее тоже непосредственно присутствует в своем отсутствии, а именно по способу затрагивающего нас осуществившегося. Последнее не выпадает, как просто прошедшее из предыдущего Теперь. Осуществившееся скорее присутствует, однако своим особым образом. В осуществившемся нас достает присутствие». Присутствие относится и к будущему: «Наступающее как уже не-настоящее протягивает и одновременно несет с собой уже не-настоящее, осуществившееся, протягивает себе свое будущее. Взаимосвязь обоих протягивает и одновременно приводит с собой настоящее». “Одновременно”, говорим мы, и этим приговариваем взаимопротяжению наступающего, осуществившегося и настоящего, т. е. их особенному единству, временной характер» [Там же, с. 399].

Предложенное Хайдеггером толкование времени (а оно считается в философии одним из самых глубоких) позволяет предложить интерпретацию гетерогенности как языковой универсалии. В каждом синхронном состоянии языка, в каждом его Теперь присутствует настоящее, прошедшее и будущее в свойственных им формах присутствия. Таким образом, язык является индикатором не только хронологического времени (в этом значении термин «индикатор» используется и в направлении *Begriffsgeschichte* [Бёдекер, 2010], «додуманного до его собственной сущности»). И это ничуть не препятствует ни системности языка, ни выделению внутренних и внешних факторов его исторического существования.

И вот – время. Прошло сто лет, и можно сказать, что к середине XX в. концепция Соссюра расцвела, действительно, «пышно, горделиво». Ее многочисленные критики вели и ведут себя так, как будто Соссюр их чем-то лично обидел. Отсюда не вполне адекватная трактовка его хода мыслей, в чем можно убедиться, перечитывая Соссюра. Но главное даже не в этом. Моден или не моден нынче Соссюр, ему довелось взойти на ту высоту, с которой открывается *мысль неоткрытых глубина, Своего не знающая дна* (Н. Гумилев).

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 826 с.

Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор: Сб. ст.: Пер. с нем. / Под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 328 с.

Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 252 с.

Гивон Т. Сложность и отличие / Пер. с англ. О. А. Кураковой, О. А. Федоровой, А. А. Кибрика // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 89-122.

Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 1. 816 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Пер. с англ. Ю. К. Лекомцева // Зарубежная лингвистика 1 / Пер. с англ., общ. ред. В. А. Звегинцева, Н. С. Чемоданова. М.: Прогресс, 1999. 308 с.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Пер. с англ. И. А. Мельчука // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3. 566 с.

Кошелев А. Д. На пороге эволюционно-синтетической теории языка // Язык и мысль. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Женщины, огонь и опасные вещи: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755 (репринтное издание). 210 с.

Мечковская Н. Б. Философия языка и коммуникации: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2017. 520 с.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. 603 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А. М. Сухотина, перераб. А. А. Холодовичем // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

Томаселло М. Истоки человеческого общения: Пер. с англ. М., 2011. 328 с.

Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2014. 512 с.

Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

Холодович А. А. О «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 9–30.

Хомский Н. О природе и языке: Пер. с англ. М.: Комкнига, 2005. 288 с.

Хомский Н. Язык и мышление / Пер. с англ. Б. Ю. Городецкого. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 123 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Г. Резник, А. Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.

Gasparov B. Speech, memory, and meaning: intrtextuality in everyday language. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co.KG, 2010. 317 p.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N. Y.: Basic Books, 1999. 624 p.

Article metadata

Title: Reading Saussure Through

Author: O. G. Revzina

Author's e-mail: dekan@philol.msu.ru

Author affiliation: Lomonosov Moscow State University

Abstract: Saussure in his «Course in General Linguistics» stated the notion of semiology, singled out properties of language sign, defined language as «thought, organized in sounding substance», divided linguistics of language and linguistics of speech, considered the connection of language and time. Saussure also stated that semiology «is a science studying life of signs in the framework of society life». His scholarly providence was proved in semiological projects of Hjelmslev and Eco, in brilliant investigations of separate semiological systems in French and Moscow-Tartu semiotic schools. Saussure admitted possible use of gestures and «visible images» as a signifying language sign, but he speculated that the choice of organs of speech «is imposed on us by nature». Refraction of Saussure ideas in scholarly practice of XX–XXI cent., i. e., semiotics flowering, stating sound nature of language sign in theories of language origin (M. Tomasello), postulate of indissolubility of brain and human physical organization in cognitive paradigm (G. Lakoff), realized project of linguistics of speech (B. M. Gasparov), treating synchronic heterogeneity of language in the aspect of language existence through time (E. Coseriu, V. M. Zhivov), notion of Time in M. Heidegger philosophy are treated in the article. M. Tomasello traced unique capacities of human voice skills, studying communication of primates. These capacities enable the development of conventional communication. Connection of language and thought became the leading question of cognitivism (N. Chomsky, G. Lakoff). Linguistics of speech, as opposed by Saussure to linguistics of language, found its modern embodiment in linguistics of language existence by B. M. Gasparov. Problem of «Language and Time», that was the object of really thorough investigation by Saussure, may get a new decision when addressing to philosophical notion of Time by M. Heidegger

Keywords: language, semiology, semiotics, language sign, signifier, signified, thinking, speech, language changes, heterogeneity of language, time.

Reference literature (in transliteration):

Arutjunova N. D. *Jazyk i mir cheloveka* (Language and Human World). M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 826 p.

Bodeker H. E. *Razмышlenija o metode istorii ponjatij* (Thoughts on Method of History of Notions). Transl. from German // *Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metaphor* (History of Notions, history of discourse, history of metaphor) / Ed. by H. E. Bodeker. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 328 p.

Coseriu E. *Sinhronija, diahronija i istorija* (Synchrony, Diachrony and History). Transl. from English by I. A. Melchuk // *Novoe v lingvistike*. M.: Izd-vo inostr. lit., 1963. Issue 3. 566 p.

Chomsky N. *O prirode i jazyke* (On Nature and Language). Transl. from English. M.: Komkniga, 2005. 288 p.

Chomsky N. *Jazyk i myshlenie* (Language and Mind). Transl. by B. Ju. Gorodeckij. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1972. 123 p.

Eco U. *Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju* (Lost Structure. Introduction to Semiology). Transl. by. V. G. Reznik, A. G. Pogonjajlo. SPb.: Simpozium, 2006. 544 p.

Fedorova O. V. *Jeksperimental'nyj analiz diskursa* (Experimental Analysis of Discourse). M.: Jazyki sla-vjanskoj kul'tury, 2014. 512 p.

Gasparov B. *Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovanija* (Language, memory, image. Linguistics of language existence). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1995. 252 p.

Gasparov B. *Speech, memory, and meaning: intrtextuality in everyday language*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2010. 317 p.

Givon T. *Slozhnost' i otlichie* (Complexity and Distinction). Transl. by O. A. Kurakovoj, O. A. Fedorovoj, A. A. Kibrika // *Jazyk i mys'': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika* (Language and Thought: Contemporary Cognitive Linguistics) / Ed. by A. A. Kibrik, A. D. Koshelev. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. P. 89-122.

Heidegger M. *Vremja i bytie. Stat'i i vystuplenija* (Being and Time. Articles and Speeches). Transl. from German. M.: Respublika, 1993. 447 p.

Hjelmslev L. *Prolegomeny k teorii jazyka* (Prolegomena to a Theory of Language). Transl. from English by Ju. K. Lekomcev // *Zarubezhnaja lingvistika 1* Ed. by V. A. Zvegincev, N. S. Chemosdanov. M.: Progress, 1999. 308 p.

Holodovich A. A. *O «Kurse obshhej lingvistiki» Ferdinanda de Sossjura* (About "Course in General Linguistics" by F. de Saussure) // Saussure F. de. *Trudy po jazykoznaniju* (Works in Linguistics). Transl. and ed. by A. A. Holodovich. M.: Progress, 1977. P. 9-30.

Koshelev A. D. *Na poroge jevoljucionno-sinteticheskoj teorii jazyka* (On the Edge of Evolutionary-Synthetic Theory of Language // *Jazyk i mys'* (Language and Thought). M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. 848 p.

Krejdlin G. E. *Neverbal'naja semiotika* (Unverbal Semiotics). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 p.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. N. Y.: Basic Books, 1999. 624 p.

Lakoff G., Johnson M. *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi* (Women, Fire and Dangerous Things). Transl. by A. N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. 256 p.

Lakoff G. *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi. Chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii* (Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About The Mind) / Transl. by I. B. Shatunovskij. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 792 p.

Lomonosov M. V. *Rossijskaja grammatika* (Russian Grammar). SPb., 1755 (reprint). 210 p.

Mechkovskaja N. B. *Filosofija jazyka i kommunikacii: Ucheb. Posobie* (Philosophy of language and Communication). M.: Flinta; Nauka, 2017. 520 p.

Obshhee jazykoznanie. Formy sushhestvovanija, funkcii, istorija jazyka (General Linguistics. Forms of Existence, Functions, History of Language). M.: Nauka, 1970. 603 p.

Saussure F. de. *Kurs obshhej lingvistiki* (Course in General Linguistics). Transl. by A. M. Suhotina, ed. by A. A. Holodovich // Saussure F. de. *Trudy po jazykoznaniju* (Works in Linguistics) / Transl. and ed. by A. A. Holodovich. M.: Progress, 1977. 696 p.

Tomasello M. *Istoki chelovecheskogo obshhenija* (Origins of Human Cooperation). Transl. from English. M., 2011. 328 p.

Zhivov V. M. *Istorija jazyka russkoj pis'mennosti* (History of Russian Written language). In 2 vol. M: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2017. T. 1. 816 p.